

(ПП: градоначальник, префект)

Такие сладкие молочные таблетки с насыщенным ароматом - самое любимое лакомство детей. Когда молочные таблетки доставили в поместье фуиня, их аккуратно разложили на красивом белом фарфоровом блюде. Пятилетний Пань-цзюлан и шестилетняя Пань-шинян сидели на маленьких табуретках и тянулись руками к низкому столику, хватая по кусочку и один за другим отправляя их в рот.

— Мама, вкусно, — пробормотал пухленький Пань-цзюлан, с надутыми щеками поедая лакомство, как маленькая белка, что было до невозможности мило.

Пань-шинян то смотрела на брата, то на мать и тоже ела одну пластинку за другой.

Госпожа Ван, глядя на своих двух маленьких, словно выточенных из нефрита детей, чувствовала, как у неё от нежности тает сердце.

В этот момент момо Цао, её кормилица из приданого и старшая няня, задумчиво сказала:

— Госпожа, я слышала от служанок, что одиннадцатого сына госпожи в последнее время отлучают от груди. Он плохо ест и всё время плачет. Пробовали отлучать уже несколько раз - никак. Но ему ведь уже два с половиной года. Господин строго распорядился: хочешь - не хочешь, а отлучать надо.

Госпожа Ван была женщиной неглупой. Услышав слова няни, она перевела взгляд на собственных детей, которые с удовольствием уплетали молочные таблетки, и, немного подумав, проговорила:

— Ты хочешь сказать...?

Момо Цао едва заметно кивнула.

Когда госпожа Ван и момо Цао пришли во двор госпожи-фуинь, Шиилан* заливался плачем и уже успел опрокинуть на пол кучу чайных чашек. Госпожа-фуинь и жалела его, и сердилась; она сидела на тахте, отчитывая слуг. Увидев госпожу Ван, она всё равно не смогла сдержать раздражения и хорошенько вспылила.

(ПП: детей называют по порядку рождения, поэтому Цзюлан - девятый сын, Шинян - восьмая дочь, Шиилан - одиннадцатый сын)

Госпожа Ван мягкими, успокаивающими словами утешала ее какое-то время, а затем сказала:

— Слышала, что господина Шиилана сейчас отлучают от груди, и он в последние дни сильно

вас измотал. Я тут получила одну диковинную сладость и сразу пришла принести.

Лишь тогда на лице госпожи-фуинь появилось немного мягкости. Горько вздохнув, она сказала:

— Не ожидала, что ты всё ещё помнишь о моём Шиилане. Только боюсь, твоя доброта будет напрасной. Он в последнее время ничего не хочет есть; как только приходит время кормления, сразу кричит и требует молока. Не даёшь - плачет без остановки.

Она слегка подняла подбородок, указывая на всё ещё брыкающегося малыша, потом, не выдержав, отвела взгляд:

— Боюсь, твоя сладость ему не понравится.

Неожиданно госпожа Ван лишь прикрыла рот платочком и мягко улыбнулась:

— А вот я думаю, всё может быть иначе.

Она сделала знак, и момо Цао велела маленькой служанке подать фарфоровую тарелку, на которой лежали молочные таблетки. Неизвестно, как именно момо Цао уговорила ребёнка, но Шиилан действительно съел одну. А попробовав, уже не смог остановиться.

— Ест! Госпожа, господин Шиилан ест! — радостно и ошеломлённо вскрикнула ближайшая к госпоже старшая служанка.

Госпожа-фуинь резко вскочила с тахты:

— Правда ест?!

— Правда! И это ему нравится, просит ещё!

— Великолепно... — госпожа-фуинь едва не прослезилась от счастья. — Ты не знаешь, сколько способов я перепробовала, с тех пор как господин распорядился, что Шиилана нужно отлучить от груди. Ничего не помогало. Он на глазах худел, а сердце у меня прямо разрывалось... Теперь он наконец-то ест, я и вправду так рада.

Повернувшись к госпоже Ван, она спросила:

— А что это за сладость такая? Почему Шиилан ничего не желает есть, а вот это ест с удовольствием?

Госпожа Ван сказала:

— Эта сладость называется молочные таблетки. Мой родной брат случайно нашёл их и прислал мне. Цзюлан и Шинян, как только увидели, тут же влюбились и не выпускали из рук. Тогда я сразу подумала об Шиилане и, надеясь на удачу, принесла их сюда.

Госпожа-фуинь взяла одну молочную таблетку двумя пальцами и внимательно осмотрела. На вид ничего особенного, но пахла она удивительно аппетитно, густым молочным ароматом. Попробовав, она была поражена ещё сильнее - ей, взрослой женщине под сорок, сразу захотелось взять вторую. Что уж говорить о двухлетнем ребёнке.

— А где твой брат покупал эти молочные таблетки?

— В семье Куй, во внешнем городе.

— Вот, — заявил управляющий из дома фуиня, — госпожа велела: каждый день мы будем присылать людей за новой порцией. Ты должен гарантировать, что всё будет самым свежим. Никаких залежалых остатков! — он надменно задрал подбородок, глядя на Цинь Хэ и явно демонстрируя тон большого чиновника. — Это еда не для кого попало, а для Шиилана, родного сына господина фуиня.

Цинь Хэ не проявил ни малейшего страха и не выглядел раздражённым. Как относился к другим клиентам, так же отнёсся и к управляющему - ровно, спокойно, без угодливости. Единственное различие - этого клиента, в отличие от прочих, он не мог выставить за дверь, даже если бы тот вёл себя хуже.

— Раз уж господин управляющий говорит так прямо, то и я не стану скрывать, — спокойно ответил Цинь Хэ. — В эти холодные зимние дни и овечье, и коровье молоко достать очень трудно. А мои молочные таблетки как раз делаются из этих двух видов молока. Поэтому я не могу обещать постоянные ежедневные поставки, и тем более что молочные таблетки для господина Шиилана будут приготовлены именно в день доставки. Единственное, что я могу гарантировать, это качество самого молока.

Управляющий только вздохнул. Всё было сказано честно и открыто: нет молока - нечего и делать, даже лучшая хозяйка не сварит еды без продуктов.

Раз он решить не мог, поспешил обратно доложить госпоже. Выслушав, госпожа-фуинь вспыхнула от злости:

— Нет молока? Так иди и ищи! Разве в огромном городе Дишуй нет свежего овечьего или коровьего молока? Нет в городе - иди за город! Всё равно найди! Найдёшь - доставь немедленно! Сколько нужно заплатить, поместье фуиня не пожалеет серебра!

— Да-да, сейчас же передам, — вытирая пот со лба, управляющий помчался обратно к семье Куй.

— Можно, — после короткого раздумья сказал Цинь Хэ. — Один шэн молока в обмен на семь лян молочных таблеток. Никакой дополнительной платы мне не нужно. Сколько таблеток я смогу сделать - столько и будет, считать не нужно. Если вашему дому такой обмен подходит, то и меня устраивает. Если нет, тогда покупайте за деньги.

Управляющий немного подумал, решил, что условия приемлемы, и кивнул, соглашаясь.

Когда он ушёл, сестра Куй наконец осмелилась подать голос. Она восхищённо взглянула на Цинь Хэ:

— Невестка, ты просто невероятный. Всего два месяца делаешь бизнес и уже добрался до дома фуиня! Если так дальше пойдёт, через пару лет ты, наверное, и до столицы доберёшься, сам император будет есть то, что делает наша семья Куй!

Цинь Хэ мягко улыбнулся:

— Если сбудутся слова младшей сестры, непременно подарю тебе огромный новогодний конверт.

Сестра Куй засияла ещё ярче и с нежностью обняла его за руку - в её глазах в мире не было человека лучше её невестки.

Когда она, подпрыгивая, скрылась за дверь, Куй У наконец озвучил свою тревогу:

— Ты вот так согласился на обмен, не потеряешь ли в итоге? Если что - говори. Хоть это и управляющий из дома фуиня, я не позволю, чтобы мой супруг работал в убыток. Я сам разберусь.

Цинь Хэ прищурился, улыбка стала хитрой:

— Далан, ты ведь знаешь, какой я человек. С чего бы мне оказаться в проигрыше? Не волнуйся, на такой сделке мы точно не прогорим.

При изготовлении молочных таблеток он всё равно добавлял воду в пропорции три к одному. Хоть потом и приходилось выпаривать часть жидкости, всё равно выход оставался выгодным: как минимум половина продукта оставалась чистой прибылью.

— На самом деле, — продолжил Цинь Хэ, — ещё когда управляющий заговорил об этом обмене, у меня уже появилась идея. Молоко - товар редкий. Раз покупатель может достать его сам, мы

и будем менять по установленному правилу. А лишние молочные таблетки оставим себе и спокойно продадим.

Куй У заметил:

— Хоть сейчас молоко и трудно достать, но весной, когда трава полезет, его станет много, цена на молоко упадёт.

Цинь Хэ прищурился, на лице мелькнул расчётливый блеск:

— Цена на молоко упадёт, значит, и цену на наши молочные таблетки придётся снижать. Иначе люди посчитают и поймут, что дешевле просто пить молоко. Тогда наш товар никому не будет нужен.

Он наклонился ближе, спокойно анализируя:

— Да и рассчитывать только на покупателей нельзя. Источник молока нам самим надо держать под контролем. Семей вроде фуиня, которые готовы заморачиваться и добывать молоко сами, - единицы. Большинство людей, если и пьют молоко, то покупают разово, по необходимости. Они что, будут специально покупать молоко, тащить его к нам, ждать, пока мы сделаем таблетки, потом ещё и разницу считать? Это им выйдет дороже и хлопотнее. Проще купить готовое.

Цинь Хэ улыбнулся, но в улыбке была твёрдость:

— С такими богатенькими и привередливыми людьми и подход должен быть соответствующим - точным, выверенным, без лишних уступок. Только так и можно вести дело.

Куй У смотрел на своего супруга с такой откровенной, тёплой улыбкой, словно в глазах у него рассыпались звёзды: какой же у него умный, сметливый фулан...

Цинь Хэ, поймав этот взгляд, невольно покраснел. Всё это вовсе не его «озарения», на базе этому обучали каждого. У одарённых, выходящих в рейды, еда была жизненно важной. Сахар и молочные таблетки относились к важнейшим стратегическим припасам, иногда одна могла спасти жизнь. И не только таблетки. Он и сухое молоко умел делать, это куда проще: высушить до порошка, а для употребления достаточно просто развести горячей водой. Хотя сейчас он этим заниматься не собирался. Молока слишком мало, одновременно делать два вида продуктов не получится. Вот к весне, когда коровье и овечье молоко пойдёт в изобилии, тогда можно подумать.

Цинь Хэ слегка кашлянул, пытаясь сбить пылающий в глазах Куй У интерес. Но тот мгновенно вытянулся, вся прямота и открытая нежность сменилась тревогой:

— Что это за кашель? Устал? Простыл?

Он протянул огромную ладонь к его лбу, и Цинь Хэ вдруг почувствовал, как у него чешутся зубы от этой чрезмерной заботливости, ведь он просто хотел отвлечь его!

Тем не менее, Куй У тщательно проверил его температуру, убедился, что жара нет, и только после того, как заставил выпить целую чашку горячей воды, наконец успокоился. Хотя Куй У понимал, что его супруг не простыл, настроение у него всё равно заметно испортилось. Он нахмурился:

— Скоро же Новый год. Может, давай на эти дни перестанем работать? Отдохнём немного, а то ты себя вымотал, ещё свалишься.

— Нельзя, — Цинь Хэ отверг это без колебаний. — Наши сахарные розы продаются за счёт ажиотажа. Повезло, что перед праздниками в городе любая семья, у которой водятся деньги, захочет купить по букету ради удачи и праздничности. После Нового года так бешено покупать уже не будут. Надо воспользоваться моментом и хорошо заработать. Я не устал, в первом месяце года будет время выспаться.

Услышав про первый месяц, Куй У словно вспомнил нечто забытое:

— Да, фулан... Раньше я всегда встречал Новый год и оставался до третьего дня у матушки. В этом году как ты хочешь? Вернёмся к ним или нет?

Цинь Хэ был так занят, что чуть было не забыл об этом. Вчера младшая сестра Куй уже спрашивала - мать велела. Но он тогда так крутился с делами, что ничего не ответил... похоже, Сяохуа в итоге и сама забыла.

— В прошлые годы ты всегда ходил домой, — сказал Цинь Хэ. — Значит, и в этом тоже иди. Только вот утром я точно не смогу - из управы привезут молоко, надо будет сделать молочные таблетки. Наверное, освобожусь только к обеду. Я ещё должен прибраться дом... Так что прийти смогу лишь к вечеру.

Но Куй У ответил:

— Как скажешь. Если ты не хочешь идти, тоже не беда. Я сам зайду к матушке и всё объясню. Мы ведь уже отдельно живём. Раньше-то у меня не было супруга, сам себе готовил кое-как, перебивался. Но в Новый год так не годится: все люди едят вкусное, а я что, должен жевать свой корм для свиней?

Цинь Хэ рассмеялся:

— Корм для свиней? Ну... если так сказать, звучит похоже на правду.

Глаза Куй У сузились, блеснули чем-то недобрым:

— Фулан, что ты сказал?

Цинь Хэ сразу перестал смеяться. Этот мужчина за столом как свинья, а ночью в постели превращается в настоящего волка.

Пояснение автора:

Согласно «Путешествиям» Марко Поло, в 1217 году, когда Чингисхан отправился на западный поход и его войску предстояло пересечь пустыню Кызылкум (восток-запад — 880 км, север-юг — 440 км), для решения проблемы с продовольствием полководец Хуэйюань (по сути начальник снабжения) изобрёл методы приготовления сухого молока и мясной стружки. Свежее молоко особым образом высушивали, превращая в удобный для перевозки порошок. Во время пути брали примерно полфунта такого порошка, насыпали в кожаный бурдюк, заливали водой и подвешивали к седлу: тряска от движения лошади превращала смесь в кашицу, которую всадник мог есть прямо на ходу и так восполнять силы в бою.

Сухое молоко стало лучшим обозным продуктом для длительных переходов. Благодаря этой еде монгольская конница стала настолько выносливой и грозной, что внушала страх одним своим появлением. В условиях долгих маршей и пустынных боёв, когда продовольствия не хватало, воины могли выживать по несколько месяцев, полагаясь на этот способ питания.

Можно сказать, что в определённой степени именно сухое молоко помогло Чингисхану осуществить свои великие завоевания. После основания государства монголы, желая увековечить это выдающееся изобретение, избрали государственное название «Юань» («начало»), а людей умных стали называть «хуэйцун» («мудрый, одарённый»). Таким образом, Китай стал первой страной в мире, изобретшей сухое молоко, а «Хуэйюань» стал самым ранним известным «брендом» сухого молока, об этом свидетельствует и самое древнее письменное упоминание использования сухого молока.

Позднее, чтобы почтить это изобретение, сложилось понимание: «хуэй» — ум, мудрость; «юань» — начало; «хуэйюань» — начало мудрости. Поэтому в новой истории как Китай, так и большинство стран мира используют слово «юань» как единицу измерения валюты, а большинство названий брендов сухого молока содержат иероглифы «юань», «хуэй» или их созвучия.

В ранний период традиционный и самый простой способ приготовления сухого молока заключался в следующем: огромное количество свежего молока наливали в большой котёл, нагревали на медленном огне, следя, чтобы температура не превышала 65 °С, и постоянно помешивали деревянным пестом, чтобы вода испарялась. Молоко постепенно густело, после чего в него добавляли сахар, чтобы оно ещё сильнее загустело. Когда содержание воды снижалось примерно до 15 %, получившуюся сыроподобную массу вынимали из котла,

раскладывали, затем раздавливали в порошок - так и получалось сухое молоко.

Говядину и баранину подсушивали обжариванием, превращая в солёную мясную стружку - её давали воинам как походный провиант, чтобы те могли идти и сражаться, не спускаясь с седла: так появились самые ранние подвижные войска.

Сухое молоко, изобретённое Хуэйюанем, не только удовлетворяло потребности монгольской конницы, которая в те времена в основном питалась молоком и мясом, но и позволяло людям пить молоко в любое время и в любом месте, не ведя с собой коров. Появление сухого молока и мясной стружки сделало монгольскую конницу по-настоящему стремительной, способной проходить тысячи ли в день.

Изобретение сухого молока помогло Чингисхану создать мощную империю, закрепить государственные границы и способствовало обмену культурой между Востоком и Западом.

<http://bllate.org/book/13598/1205841>